

ДНЕВНИКЪ ФИЛОСОФА.

(О средствахъ и цѣляхъ, о политикѣ и морали, о политикѣ христіанской и политикѣ гуманистической, о двухъ пониманіяхъ задачъ эмиграціи).

За мою многолѣтнюю литературную и философскую дѣятельность я никогда не вступалъ въ личную полемику и никогда не отвѣчалъ на личныя противъ меня нападенія. Этому принципу я не предполагаю измѣнять. Но въ полемикѣ, которая всегда была непристойной у русскихъ и стала особенно непристойной въ эмиграціи, иногда ставятся вопросы, которые заслуживаютъ разсмотрѣнія. Въ непристойной статьѣ, направленной противъ меня въ одной типически эмигрантской еженедѣльной газетѣ, ставится такого рода вопросъ, который впрочемъ самому автору статьи совсѣмъ не представляется вопросомъ. Этотъ безымянный авторъ глубоко возмущенъ моей статьей «Обскурантизмъ.»*) Онъ совсѣмъ не можетъ вынести психологическаго сближенія, которое я дѣлаю между обскурантами правыми и обскурантами большевиками, между свѣтогасителями и насильниками справа и слѣва. Онъ научаетъ меня разсматривать явленія съ цѣлевой точки зрѣнія. Если человѣкъ обскурантъ, гонитель мысли и знанія, если онъ насильникъ и кровожаденъ во имя мощи государства, во имя національной идеи, во имя церкви, во имя восстановленія старыхъ устоевъ, то это хорошо и заслуживаетъ одобренія. Если же онъ обскурантъ, гонитель мысли и знанія, если онъ насильникъ и кровожаденъ во имя социализма, міровой революціи, равенства, социальной справедливости, то это плохо и заслуживаетъ непримиримаго отрицанія. Трудно предположить, чтобы я не зналъ различія цѣлей Сталина и Маркова 2. Но это знаніе не мало не препятствуетъ усматривать между ними и сходство. Разсмотрѣніе явленій съ точки зрѣнія высокихъ или низкихъ цѣлей и оцѣнка средствъ въ связи съ этими цѣлями есть самое банальное и поверхностное отношеніе къ явленіямъ.

*) См. № 13 «Пути».

Такъ человѣкъ дѣлается жертвой обмана, при мощи котораго низость и мерзость прикрываютъ себя высокими цѣлями. Всѣ вѣдь утверждаютъ, что они стремятся къ высокимъ и добрымъ цѣлямъ и прибѣгаютъ къ злымъ и дурнымъ средствамъ лишь во имя скорѣйшаго осуществленія этихъ цѣлей. Ни одинъ коммунистъ не думаетъ, что онъ стремится къ злымъ и дурнымъ цѣлямъ. Онъ вѣдь скажетъ, и вполне искренно скажетъ, что онъ стремится не къ насилію, а къ освобожденію, не къ враждѣ и ненависти, а къ братству и м. ру среди людей, не къ обскурантскому гоненію на мысль, а къ торжеству науки и знанія, что цѣлью его является не звѣроподобная рознь, а справедливость и блага, не вверженіе народа въ нищету, а возростаніе силъ человѣка, власти его надъ стихіями. Насильничество, жестокость, ненависть, обскурантизмъ, грабежъ — все это есть лишь относителныя и преходящія средства во имя высшихъ и добрыхъ цѣлей. Свобода, равенство и братство или сме'ть! Въ этомъ лозунгѣ французской революціи «свобода, равенство и братство» обозначаютъ высокія и добрыя цѣли, «смерть» же обозначаетъ злое средство, примѣняемое для торжества этихъ цѣлей. Правые у насъ также стремились къ высокимъ и добрымъ цѣлямъ, къ торжеству «православія, самодержавія и народности», къ защитѣ вѣры и отечества, къ силѣ и славѣ государства. Но для осуществленія этихъ цѣлей они готовы были гнать мысль и слово, сажать въ тюрьмы и вѣшать, пороть крестьянъ, устраивать еврейскіе погромы, лгать и клеветать. Въ оцѣнкѣ этихъ явленій нисколько не поможетъ разсмотрѣніе ихъ съ точки зрѣнія цѣлей. Великое несчастье въ томъ и заключается, что человѣкъ легко обманывается себя и другихъ насчетъ цѣлей, которыя онъ преслѣдуетъ. «Православіе, самодержавіе и народность» есть такая же ложь и обманъ, какъ и «свобода, равенство и братство». Говорю, конечно, о лжи «православія» въ этой тройственной цѣли русской казенной православной государственности, а не о православной христіанской вѣрѣ, которая есть истина. Но истина приспособляется къ человѣческимъ интересамъ, вожделѣніямъ, властолюбіямъ и корыстолюбіямъ, человѣческой ограниченности и тупости, неспособности къ духовному просвѣтленію.

Когда Бѣлинскій въ послѣдній свой періодъ увлекся идеей социализма, то по собственнымъ его словамъ онъ проникся Маратовской любовью къ человѣчеству, онъ восклицалъ «соціальность, соціальность или смерть», онъ готовъ былъ огнемъ и мечемъ истребить одну часть человѣчества, чтобы сдѣлать счастливой другую. Онъ вполне предвосхитилъ большевицкую мораль, а началъ онъ съ состраданія и любви къ живой человѣческой личности, во имя которой возсталъ противъ *Allgemeinheit*

Гегеля. Аналогичный психологический процесс происходит со всѣми, подмѣняющими абсолютное относительнымъ, происходитъ и съ тѣми, которые превыше всего ставятъ цѣнность отечества, государства, вѣры. Они также требуютъ «смерти» во имя этихъ своихъ цѣлей. Носители и любители правды погружаются въ море лжи. Адъ, какъ извѣстно, вымощенъ добрыми намѣреніями. Эти добрыя намѣренія и суть тѣ возвышенныя цѣли, съ точки зрѣнія которыхъ предлагаютъ оцѣнивать явленія. «Цѣли» — абстракціи, которыми можно прикрыть, что угодно. И болѣе мудрымъ представляется перестать обращать исключительное вниманіе на «цѣли» и сосредоточить свое вниманіе на «средствахъ», что болѣе соотвѣтствуетъ духу христіанства. Съ христіанской точки зрѣнія важно знать, *какого челоуѣкъ духа*, что онъ *есть*, а не какія отвлеченныя цѣли онъ себѣ ставитъ. Жизнь челоуѣческая заполнена «средствами» и потому они болѣе свидѣтельствуютъ о томъ, какого духа челоуѣкъ, чѣмъ отвлеченныя цѣли и отвлеченныя идеи. Насильничество, челоуѣконенавистничество, жестокость, абскурантизмъ, лживость въ примѣняемыхъ средствахъ вполнѣ свидѣтельствуютъ о томъ, какого духа челоуѣкъ, независимо отъ его отвлеченныхъ цѣлей и идеаловъ. Важно, происходитъ ли съ челоуѣкомъ духовное просвѣтленіе, и совсѣмъ неважно, какъ онъ отвлеченно опредѣляетъ свои цѣли, особенно политическія цѣли. Насильники, челоуѣконенавистники, абскуранты, лжецы, въ практикуемыхъ средствахъ принадлежатъ одному духу, одной духовной формации, хотя бы одни были такими во имя вѣры, другіе во имя безбожія, одни во имя отечества, другіе во имя интернаціонала, одни во имя государства, другіе во имя міровой революціи. «Средство» есть симптомъ того, *что* есть челоуѣкъ, его реального дѣла, наполняющаго всю его жизнь. Что мнѣ съ того, что челоуѣкъ стремится къ свободѣ, когда вся жизнь его наполнена насиліемъ, что онъ стремится къ братству, когда вся жизнь его наполнена ненавистью, что онъ стремится къ торжеству христіанской Церкви, когда вся жизнь его наполнена антихристіанскими чувствами и дѣлами, что онъ стремится къ благу отечества, когда во имя его онъ истязаетъ народъ свой. Вопросъ о «цѣляхъ» и «средствахъ» требуетъ радикальнаго пересмотра. Л. Толстой остро чувствовалъ, что вопросъ о «средствахъ» очень важный и тревожный вопросъ. Онъ не умѣлъ его разрѣшить, запуталъ его, но само мученіе его было поучительнымъ, было большой его заслугой. Христіанскій міръ соблазнился и падалъ именно въ вопросѣ о «средствахъ», цѣлями же онъ продолжалъ считать «спасеніе», «Царство Божіе», даже совершая въ путяхъ своихъ преступленія, жестокости и несправедливости. Вопросъ о духовномъ пути челоуѣка, о его духовномъ возрожденіи и

преображеніи и есть прежде всего вопросъ о «средствахъ». «Средство» и есть «путь». И передъ судомъ христіанской духовности Марковъ 2 и Сталинъ люди одного духа, одного пути. Я бы только прибавилъ, что тотъ, кто устраиваетъ застѣнокъ «чека» во имя Божіе, въ тысячу разъ хуже того, кто устраиваетъ его во имя сатаны. Христіанинъ не можетъ позволить себѣ такихъ «средствъ» въ осуществленіи цѣли, какія можетъ себѣ позволить безбожникъ, практикующій политику имперіалистическую, капиталистическую или коммунистическую. Поэтому христіанству никогда не будетъ принадлежать господство въ этомъ мірѣ. Поэтому и сказано, что «царство Мое не отъ міра сего». Не съ абстрактно-цѣлевой, а съ конкретно-душевной, т. е. съ христіанской точки зрѣнія насильничество, ненавистничество, злобность, свѣтобоязнь, лживость есть всегда одно и то же явленіе, явленіе одного и того же духа. Высшія цѣли отечества, національности, государственности, церковности, которыя провозглашаются въ правой эмиграціи и которыми хотять оправдать насиліе, ненависть, обскурантизмъ въ средствахъ, представляются мнѣ фальшивой риторикой, фразеологіей, изъ которыхъ давно ушла жизнь. Условно-риторическое и формальное православіе есть вообще ложь, великая помѣха для христіанскаго возрожденія. Для христіанскаго дѣла въ мірѣ сейчасъ ненужны и вредны садукеи, которыми полна эмиграція свѣтская, и фарисеи, которыми полна эмиграція духовная. Стиль эпохи Александра III, который сейчасъ идеализируютъ въ извѣстной части эмиграціи, есть стиль ложный, безвкусный и уродливый, стиль разлагающейся, внѣшне подмороженной имперіи. Этотъ стиль есть и въ картинѣ Нестерова «Святая Русь», о которой съ пафосомъ говорится въ еженедѣльной газетѣ, нападающей на меня. Риторическая фразеологія легко связывается съ «цѣлями». Съ «средствами» же связаны реальныя дѣла, духовный обликъ человѣка. Мы также должны отбросить фальшивую риторикку и декламацию о государственности, церковности, національности, какъ и о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, во имя реальныхъ проявленій любви къ своей родинѣ, къ своему народу, къ Церкви Христовой, къ духовной свободѣ, къ христіанскому братству въ «путяхъ», въ «средствахъ». Поэтому и группировки людей должны быть совершенно новыми, по духу, а не по отвлеченнымъ цѣлямъ и программамъ. Это ведетъ къ вопросу объ отношеніи политики и морали и о границахъ политики. Очень тревоженъ и безпокоенъ вопросъ о томъ, нужно ли уподобленіе средствъ цѣлямъ. Можно ли добиваться свободы насиліемъ, любви ненавистью, свѣта обскурантизмомъ, правды ложью, Царства Божьяго орудіями царства кесаря? Этотъ вопросъ можетъ не беспокоить только духовнаго буржуа, подчинившагося нормамъ

міра сего. Політика, въ томъ числѣ, и церковная політика, примѣняла средства несообразныя ни съ какими цѣлями. Буржуа и говорить — такъ было, такъ будетъ всегда.

Вопросъ о взаимоотношеніи политики и морали есть вѣковѣчный вопросъ. Но бывають эпохи, когда вопросъ этотъ очень обостряется и терзаетъ совѣсть людей, у которыхъ она не задавлена политической борьбой. Моральный судъ надъ политикой особенно умѣстенъ въ эпоху, когда революціонная політика отпраздновала свою побѣду безобразной оргіей, потерявшей различіе между добромъ и зломъ, и когда політика контрреволюціонная мечтаетъ отпраздновать свою побѣду такой же безобразной и безнравственной оргіей. Політика вообще есть сфера жизни, въ которой «средствъ» жизни наиболѣе оторваны отъ «цѣлей» жизни и несоотвѣтствіе между «средствами» и «цѣлями» достигаетъ максимальныхъ размѣровъ. Нѣтъ сферы, которая съ такой легкостью выступала бы за предѣлы различія между добромъ и зломъ и такъ деморализовала бы людей, какъ політика и борьба за власть. При чемъ деморализація эта всегда происходитъ во имя добрыхъ «цѣлей», во имя преданности цѣнностямъ, которыя люди почитаютъ за высочайшія, будь это идея мощи государства или соціальной правды. Наиболѣе легко преступаютъ предѣлы различія между добромъ и зломъ крайніе правые — монархисты и націоналисты, и крайніе лѣвые — коммунисты. Въ этомъ они схожи по духу, по типу. Но и среднія либеральныя партіи, менѣе склонныя къ насилію, легко деморализуются скептицизмомъ, оппортунизмомъ, политиканствомъ, онѣ не холодны и не горячи, наименѣе духовны и рѣдко бывають вдохновлены идеей. Въ политикѣ есть реальное зерно и безъ нея не можетъ жить грѣховное человѣчество. Нужно воздавать кесарево кесарю. Начальствующій носить мечъ не напрасно. Но вокругъ этого реального зерна нарастаетъ фиктивное царство политики, пріобрѣтающее фантазмагорическіе размѣры и затопляющее всю человѣческую жизнь. Это фиктивное, фантазмагорическое царство политики достигло особенныхъ размѣровъ въ новой исторіи и было результатомъ ослабленія духовности въ жизни человѣчества. Політика легко превращается въ вампира, сосущаго кровь народовъ. Этотъ вампиризмъ есть и въ политикѣ право-монархической, и либерально-парламентской, и революціонно-соціалистической. Вокругъ подлинной жизни народовъ, съ ихъ реальнымъ трудомъ, съ ихъ радостями и горестями, съ ихъ вѣрованіями и вопрошаніями, съ ихъ священными преданіями, съ ихъ дѣйствительными нуждами, образуются болѣзненные наросты

самодовлѣющей политики, въ которой орудуютъ и властвуютъ профессиональные политики съ интересами выдуманнми, фиктивными, чуждыми и трудовой жизни народовъ и творческой жизни духовной аристократіи. Подлинно реальна организація человѣческаго труда.*) При дворахъ монарховъ, въ бюрократическихъ учрежденіяхъ, въ дипломатическихъ кабинетахъ, въ парламентахъ, въ партіяхъ, въ политическихъ клубахъ, въ заговорщицкихъ политическихъ организаціяхъ совсѣмъ не совершается подлинной мистеріи жизни и тамъ царитъ законъ морали совсѣмъ не человѣческой, но отнюдь и не божественной. Политика есть символъ глубокой неудачи человѣческой исторіи. Политика и связанная съ ней власть религіозно и нравственно допустимы и оправданы лишь какъ тягота, послушаніе, обязанность. Но бѣда въ томъ, что тягота, послушаніе, обязанность обычно подмѣняются похотью власти, интересами и требованіемъ правъ исключительно для себя. Формы правленія въ данномъ случаѣ не интересны и другъ друга стоятъ. Бываютъ эпохи, когда люди наивно пребываютъ въ политикѣ, не сознавая злого въ ней начала. Не такова наша эпоха. Мы живемъ въ эпоху разоблаченій, срыванія обманчивыхъ покрововъ, выявленія реальностей. И напрасно иные думаютъ, что происходитъ разоблаченіе обманчивыхъ идеологій революціонныхъ, социалистическихъ, демократическихъ и подтвержденіе какой то правды идеологій правыхъ, консервативныхъ, націоналистическихъ, собственническихъ и буржуазныхъ. Это — величайшее и зловреднѣйшее заблужденіе. Идеологіи «правыя» изобличены въ своей обманчивости и фиктивности нисколько не менѣе, чѣмъ идеологіи «лѣвыя», даже болѣе, ибо въ ихъ старой неправдѣ и былъ источникъ зла. Мы проходимъ черезъ періодъ совершеннаго политическаго оголенія и обнищанія, не только черезъ политическій кризисъ, но черезъ кризисъ политики, черезъ нравственный, духовный, религіозный судъ надъ основами всякой политики. Лишь черезъ этотъ глубокий кризисъ и черезъ этотъ глубокий судъ надъ изолгавшейся политикой можетъ произойти духовное обновленіе человѣчества. Мы не вѣримъ уже ни въ какія утопіи, ни лѣвыя, ни правыя. Мы идемъ къ свѣту черезъ тьму, къ богатству черезъ нищету, къ подъему черезъ паденіе. Всѣ испытанія, несчастья и ужасы ведутъ насъ къ истокамъ жизни, къ «матерямъ» (въ Гетевскомъ смыслѣ). Реставраторы всѣхъ типовъ, «правыхъ» и «лѣвыхъ», не понимаютъ значенія происходящаго процесса и препятствуютъ исходу. Всѣ они — мѣщане, буржуа. Буржуа, и есть тотъ, кто не допускаетъ къ истокамъ жизни, оставляя человѣка въ обманнхъ и фиктивныхъ окруженіяхъ жизни,

*) См. мою книгу «Новое Средневѣковье».

гдѣ господствуетъ выдуманный ими законъ, для кого видимое реальнѣе невидимаго.

Духовное и моральное очищеніе и возрожденіе политики совсѣмъ не можетъ произойти черезъ построеніе отвлеченныхъ идеологій, хотя бы и относительно новыхъ, черезъ подчиненіе политики возвышеннымъ и добрымъ «цѣлямъ». Эти пути давно уже пройдены и всѣ ими шли. Очищеніе и «одухотвореніе» политики означаетъ превращеніе «цѣли» въ «средство»; въ «путь» въ духовную основу жизни. Важны не цѣли, не идеологіи, а духовная основа жизни, духовные истоки жизни, по которымъ опредѣляется «путь». Не новыя идеологическія цѣли нужно ставить политикѣ, а новыя духовныя основы и истоки для нея найти, т. е. исходить изъ духовнаго возрожденія, изъ новаго духа жизни. Это предполагаетъ ограниченіе сферы политики, недопущеніе ея главенства надъ жизнью и ея вампирическаго развитія. Важны не новой идеологіи люди, а *новаго духа люди*. Идеологія сама по себѣ ничего не стоитъ, она является лишь прикрытіемъ. Подлинное реальное соединеніе людей никогда не можетъ быть основано на идеологіяхъ и отвлеченныхъ цѣляхъ, подлинное реальное соединеніе людей есть соединеніе по духу, по тому, кто люди, *изъ какого источника пьютъ они воду жизни*. Объ этомъ политики обычно забываютъ, хотя христіанамъ не подобаешь объ этомъ забывать. Преданными сатанѣ могутъ быть люди самыхъ противоположныхъ идеологій, какъ могутъ пить изъ божественнаго источника люди исповѣдующіе очень разныя идеологіи. Вотъ почему «идеократія», о которой усиленно заговорили евразійцы, есть праздная отвлеченная выдумка, ничего не стоящая. Политическая власть обычно прикрывается «идеократіей» и неохотно признается въ томъ, что она подобрана по сословнымъ и классовымъ интересамъ, по сословному происхожденію или богатству. «Идеократическій» подборъ правящаго слоя не гарантируетъ ни мало качества людей, не опредѣляетъ ни въ какой степени духа людей и ихъ отношенія къ источникамъ жизни. Всѣ подлецы и мошенники начнутъ исповѣдывать желательную идеологію. «Идеократія» есть такая же фикція, какъ и всѣ остальныя политическія фикціи, какъ и теократія, монархія, либерализмъ, демократія, социализмъ, она не означаетъ перехода къ жизненному реализму, къ первореальностямъ жизни. Евразійцы, направленіе наиболѣе живое въ эмиграціи, многое понявшее въ русской революціи, споткнулись на вѣковомъ вопросѣ о взаимоотношеніи политики и морали. Они не пошли путемъ моральнаго очищенія политики и одухотворенія ея, они цѣликомъ остались въ сферѣ конструкцій отвлеченныхъ идеологій и возвышенныхъ цѣлей, не пришли къ истокамъ жизни. «Средства», «путь» остались тѣ же, что и у коммунистовъ, что и у монархи-

стовъ. Евразійцы такъ же стремятся къ завоеванію власти всѣми возможными способами, какъ другія политическія направленія, такъ же непомерно преувеличиваютъ самодовлѣющее значеніе политики и власти въ человѣческой жизни, такъ же не интересуются, какого духа люди и изъ какого источника пьютъ они. Отсюда моральный кризисъ евразійства. Религіозныя основы міросозерцанія были у евразійцевъ отвлеченной идеологіей, о которой они начали забывать, а не духовной основой жизни и источникомъ жизни. Евразійцы не пережили въ глубинѣ духовнаго кризиса, не прошли черезъ обнищаніе, черезъ оголеніе, черезъ отреченіе отъ обмановъ, они не имѣли опыта жизни въ совѣтской Россіи. Въ этомъ поучительность евразійской исторіи. Можно было выставить такую парадоксальную нравственную аксіому: духовно побѣдить и будетъ способствовать спасенію и возрожденію Россіи лишь тотъ, кто не будетъ во что бы то ни стало и какими угодно средствами стремиться къ побѣдѣ, кто побѣдитъ въ себѣ похоть власти. Этотъ парадоксъ можетъ пугать лишь скептика, лишь позитивиста, лишь матеріалиста, не вѣрящаго въ силу Божью и силу Духа. Съ горечью нужно сказать, что самые православные люди, гордящіеся своей ортодоксальностью, въ жизни больше вѣрятъ въ силу матеріи, чѣмъ въ силу Божью, они сплошь и рядомъ бываютъ въ политикѣ экономическими матеріалистами не менѣе марксистовъ, основываютъ всѣ свои надежды на вѣрѣ въ силу богатства, собственности, полиціи, войска, дипломатіи; христіанство же остается для идеологической опоры и устрашенія, для риторики возвышенныхъ цѣлей. Правые, почитающіе себя ортодоксальными христіанами, рѣдко обнаруживаютъ вѣру въ силу духа, для нихъ это отвлеченность, конкретна же вѣра въ силу матеріи, въ палку и штыкъ, въ деньги и богатство. Отсюда любовь къ насилію, не только къ тому неизбежному насилію, которое свойственно грѣховной жизни нашего міра, а къ насилію максимальному и практикуемому съ восторгомъ и вдохновеніемъ. Сомнѣніе въ абсолютной правдѣ насилія и въ абсолютной силѣ матеріи они называютъ толстовствомъ и непротивленствомъ. Но сущность христіанства и заключается въ томъ, чтобы найти реальную благую силу, стяжать силу переворачивающую міръ. Не всякая сила, потрясающая этотъ міръ, есть сила подлинная. Онтологически сила большевизма есть сила призрачная. Политика обычно бываетъ секуляризирована и имѣетъ секуляризированное представленіе о силѣ. Въ этомъ коренной конфликтъ христіанства и политики. И политика совсѣмъ не перестаетъ быть секуляризированной, т. е. подчиненной силамъ этого міра, отъ того, что она будетъ «теократической» или «идеократической», что ее отвлеченно подчинять религіознымъ, церковнымъ цѣлямъ. Политика пере-

станеть быть секуляризированной, когда дѣятели ея будутъ опираться на силу, почерпнутую изъ источниковъ жизни, т. е. будутъ иного духа, не духа міра сего. Не въ идеѣ тутъ разница, а въ силѣ. И то, что я говорю, совсѣмъ не есть аполитизмъ, не есть и отрицаніе дѣйствія мечомъ, которое можетъ быть наименьшимъ зломъ т. е. долгомъ, но должно всегда сопровождаться сознаніемъ грѣха.

Когда подымается сейчасъ вопросъ о христіанской политикѣ, то очень обостряется онъ въ ея отношеніи къ политикѣ гуманистической. Вопросъ этотъ сложнѣе, чѣмъ онъ представляется тѣмъ, которые соединяютъ христіанскую политику съ гуманизмомъ, и тѣмъ, которые рѣшительно ихъ противопоставляютъ. Я такъ много писалъ о кризисѣ гуманизма и несостоятельности гуманистическаго міросозерцанія, что не хочу повторять много разъ сказаннаго. Но тѣ правые христіане, которые ненавидятъ всякій гуманизмъ въ политикѣ и обличаютъ въ немъ антихристовъ духъ, сами обнаруживаютъ склонность къ бестіализму въ политикѣ. Христіанство стоитъ выше гуманизма, выше царства человѣческаго, но не можетъ опускаться ниже его, къ царству звѣриному. Между тѣмъ какъ столкновение такъ называемой правой «христіанской» политики съ такъ называемой лѣвой «гуманистической» политикой нерѣдко оказывается столкновениемъ бестіальныхъ, звѣроподобныхъ началъ съ началами гуманистическими. Великое несчастье и соблазнъ «христіанской» политики, какой она часто являлась въ исторіи, заключается въ томъ, что она почему то сплошь и рядомъ стояла за смертную казнь, жестокія наказанія, за милитаризмъ и войну, за національную исключительность, за крѣпостное право и угнетеніе рабочихъ, за деспотизмъ власти, за угнетеніе мысли. Съ другой стороны гуманистическая политика обычно стояла за смягченіе наказаній, за миръ между народами, за освобожденіе отъ крѣпостного права и за улучшеніе положенія трудящихся, за ограниченіе самовласти, за свободу мысли. Это элементарное и банальное противоположеніе представляетъ очень мучительную и совсѣмъ не устарѣвшую проблему. И сейчасъ очень ортодоксальные христіане говорятъ, что мира между народами хотятъ ма-ссоны, и потому сами они хотятъ милитаризма, войны и національной вражды, что соціальнаго реформированія общества, улучшающаго положеніе рабочихъ, хотятъ социалисты, и потому сами они хотятъ капиталистическаго строя и предпочитаютъ опираться на банкировъ. И такъ во всѣхъ вопросахъ. Стремленіе къ соціальной правдѣ и къ осуществленію Христовыхъ завѣтовъ

въ полнотѣ жизни объявляется розовымъ христіанствомъ. Христіанство признается исключительно религіей личнаго спасенія и трансцендентнаго эгоизма, а всякія попытки къ улучшенію и преображенію жизни признаются противорѣчащими догмату первороднаго грѣха. Можно подумать, что христіанство признаетъ первородный грѣхъ только для того, чтобы люди на этомъ основаніи не боролись съ соціальнымъ зломъ и не стремились къ правдѣ. Наболѣе безстыдными мнѣ представляются всѣ попытки соединенія христіанства съ капиталистическимъ строемъ и сообщенія христіанству буржуазнаго духа. И вопросъ тутъ не въ экономической сторонѣ капитализма, а въ его нравственномъ и духовномъ образѣ въ его безбожьи и бездушіи. Онъ и привелъ къ атеистическому коммунизму. Христіанство не принимаетъ гуманистической религіи обоготворенія человѣка, превращеніе человѣчества въ земное «божество». Христіанство обличаетъ всѣ гуманистическія иллюзіи, всю фальшь и поверхностность гуманистическаго прекраснодушія, всю безсознательность гуманистическаго оптимизма. Христіанская мысль раскрываетъ, что человѣкъ подлинно существуетъ и обладаетъ цѣнностью въ томъ лишь случаѣ, если онъ есть образъ и подобіе Божье, если духовное начало возвышаетъ его надъ животнымъ міромъ. Но этимъ путемъ лишь преодолевается ограниченность гуманизма, побѣждаются его отрицательные элементы, вся же положительная человѣчность не только сохраняется, она повышается, поднимается до высшей духовности, — любовь къ отвлеченной идеѣ человѣка замѣняется любовью къ живому, конкретному человѣку и достоинство человѣка утверждается еще болѣе. Откуда же берутся бестіалистическіе элементы «христіанской» политики, противопоставляющей себя политикѣ гуманистической? Вл. Соловьева это такъ мучило, что онъ одно время упрощенно признавалъ, что гуманистическій прогрессъ и дѣлаетъ подлинное христіанское дѣло на землѣ, въ то время, какъ силы, официально признанныя христіанскими, были въ сущности языческими и мѣшали осуществленію христіанской правды въ земной жизни.

Нужно признать, что правда о землѣ, о соціальномъ устроеніи не была въ достаточной степени раскрыта въ христіанствѣ, которое было въ исторіи смѣшано съ языческимъ натурализмомъ. Эта проблема всегда мучила русскую религіозную мысль XIX и XX вѣка. И если сейчасъ въ православной настроенности, господствующей въ правой и умѣренной эмиграціи, эта проблема не ставится и о ней не болѣютъ, то потому лишь, что у насъ произошелъ перерывъ въ традиціи религіозной мысли и забвеніе ея завѣтовъ. Признать старую имперію, капиталистическую промышленность, римскія понятія о собственности под-

линными православно-христианскими началами жизни могут лишь тѣ, которые совершенно забыли, что у насъ былъ Хомяковъ и славянофилы, Бухаревъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ, Н. Федоровъ и мн. др. искатели Божьей правды. Буржуазный консерватизмъ и буржуазный либерализмъ хотятъ противопоставить подлинно великимъ, религіознымъ и національнымъ традиціямъ русской мысли. Мѣщанство мысли, которое у насъ явилось результатомъ реакціи противъ революціи, испуга и духовной слабости, есть жалкое явленіе и ничего оно не можетъ дать для будущаго Россіи. Если Россія призвана сказать свое новое слово міру, то оно не можетъ быть словомъ испуганнаго буржуазнаго консерватора или либерала, подбирающаго въ качествѣ орудія противъ коммунистической революціи разлагающіяся идеи Западной Европы. Въ Герценѣ, въ Бакунинѣ, въ Чернышевскомъ, въ Михайловскомъ больше элементовъ русской правды, чѣмъ въ этомъ мертвенно-реакціонномъ направленіи. Русскій социализмъ во всякомъ случаѣ поставилъ великую проблему передъ міромъ, хотя и сорвался въ ея рѣшеніи и соблазнился злымъ духомъ. Большевики тѣмъ и отвратительны, что они пришли къ строительству мѣщанскаго царства, что они типичные буржуа, что они гасители духа и истребители духовной свободы. Но ихъ не за это ненавидитъ право-государственная, право-национальная, право-православная эмиграція, которая сама прежде всего хочетъ мѣщанскаго царства, любитъ мѣщанскія блага и не любитъ духовной свободы и духовнаго творчества. Она отвернулась не только отъ Бѣлинскаго, Герцена, Бакунина, Чернышевскаго, Михайловскаго и Ленина, не только отъ Л. Толстого, она отвернулась и отъ Кирѣевскаго, Хомякова, Аксакова, Ю. Самарина, отвернулась отъ Бухарева, отъ Достоевскаго, отъ Вл. Сольвьева, отвернулась даже отъ К. Леонтьева, врага мѣщанства, отъ Н. Федорова и отъ всѣхъ теченій религіозно-философской и религіозно-общественной мысли начала XX в., отвернулась, а можетъ быть и никогда не знала. И это есть отреченіе отъ русской идеи во имя вполнѣ интернационалистическаго націонализма, потерявшаго вѣру въ свой народъ. Теченіе, популярное въ старшихъ поколѣніяхъ эмиграціи, додумалось только до идеи крѣпкой крестьянской собственности, да и то потому лишь, что нѣтъ надежды возстановить собственность помѣщиковъ. Въ смыслѣ культурномъ оно готово выдвигать Пушкина, но непременно въ связи съ Петромъ Великимъ, какъ поэта имперіи. Всеобъемлющій и чарующій геній Пушкина, столь оцѣненный Достоевскимъ, при этомъ приспособляется для утилитарныхъ и педагогическихъ цѣлей. Проблема отношенія христианства и гуманизма была чрезвычайно остро поставлена русской религіозной мыслью. Эта острая проблематика совер-

шенно утеряна въ современномъ испуганномъ и упадочно-реакціонномъ сознаниі. Православное христіанство въ лучшемъ случаѣ понимается исключительно въ духѣ «Добролюбія», какъ аскетически-монашеская религія личнаго спасенія, проблемы же государства, хозяйства, социальнаго строя, культуры, науки, рѣшаются вполнѣ «секуляризировано», натуралистически-язычески, по интересамъ міра сего. Такъ сорвалась великая русская проблематика о христіанской правдѣ въ полнотѣ жизни. То, что коммунистическая революція способствовала срыву этой проблематики, есть самое большое ея злодѣяніе. Отъ гуманизма пошли не вверхъ, къ полнотѣ богочеловѣческой жизни, а внизъ, къ бестіалистическимъ, дохристіанскимъ началамъ.

Есть два пониманія задачъ эмиграціи. Одно пониманіе видитъ задачу эмиграціи въ превращеніи ея въ военный контрреволюціонный лагерь. Другое пониманіе видитъ эту задачу въ созданіи арены свободной мысли, задавленной внутри Россіи, въ творческомъ продолженіи традицій русской духовной культуры, подвергнутой величайшимъ опасностямъ. Первое пониманіе, идущее отъ настроеній бѣлаго движенія и гражданской войны, понимаетъ задачу эмиграціи прежде всего, какъ военно-политическую, какъ низверженіе революціи путемъ насильственной контрреволюціи, и вѣрится во всемогущество внѣшнихъ политическихъ формъ и внѣшнихъ военныхъ дѣйствій. Другое пониманіе понимаетъ задачу эмиграціи прежде всего, какъ духовно-культурную, какъ осмысливаніе неотвратимыхъ результатовъ революціи. Сейчасъ происходитъ борьба этихъ двухъ пониманій. Если эмиграція есть военный контрреволюціонный лагерь, перманентная гражданская война, то свобода мысли и культурнаго творчества въ ней невозможны. Военный лагерь живетъ военными законами, въ немъ ни о чемъ не спорятъ, въ немъ издаются распоряженія и инакомыслящіе осуждаются по законамъ военнаго времени. Многіе въ эмиграціи и усвоили себѣ такого рода приемы, умѣстные лишь въ военномъ лагерѣ во время войны. Когда такого рода приемы практикуются десять лѣтъ, то происходитъ отупѣніе, одичаніе и угашеніе мысли. Да и нѣтъ ничего болѣе смѣшного, чѣмъ когда люди глубоко и безнадежно штатскіе бряцаютъ оружіемъ. Активизмъ этого рода направленія чисто вѣдь риторическій и словесный. Подлинный активизмъ возможенъ лишь внутри Россіи, въ нѣдрахъ самого революціоннаго или, вѣрнѣе, пореволюціоннаго процесса. Другое пониманіе стоитъ за мышленіе по существу, за проблематику, за осмысливаніе происходящихъ процессовъ, за

продолженіе культурнаго и соціального творчества. Это второе пониманіе, которое только и можетъ стоять за свободу мышленія и за осмысливаніе революціи, представляется мнѣ единственнымъ истиннымъ и соотвѣтствующимъ реальностямъ, свободнымъ отъ маниакальныхъ идей, отъ одержимости, отъ фикцій и иллюзій. Политическія задачи разрѣшима лишь силами внутри Россіи, выявившимися въ результатѣ революціи, въ какомъ то смыслѣ революцію принявшими. Эмиграція можетъ лишь помогать этой пореволюціонной Россіи, и помогать прежде всего тѣмъ, что не мѣшаютъ выгодными для коммунистической власти призраками военной контръ-революціи, реставраціи, заговоровъ, вождей и пр. Первоначальное военно-политическое пониманіе задачъ эмиграціи лишь укрѣпляетъ и поддерживаетъ большевиковъ, создавая необходимаго имъ контръ-революціоннаго буржуазнаго врага, которымъ они пугаютъ массы и привязываютъ къ себѣ. Эта вредная роль эмиграціи, нанесшей раны внутренней Россіи, особенно явственна въ церковномъ вопросѣ, о которомъ мнѣ приходилось уже много писать. Нужна неприимиримая духовная борьба съ коммунистической идеологіей, съ безбожіемъ и безчеловѣчіемъ коммунистической диктатуры, съ ложью и обманомъ, съ деморализаціей и обездушиваніемъ, но не съ новой, пореволюціонной рабоче-крестьянской Россіей, которую свергнуть нельзя, а можно лишь просвѣтлять и облагораживать. Для того, чтобы въ эмиграціи возможно было духовно-культурное творчество, возможна была свободная и правдивая мысль, чтобы сознаніе не было подавлено условной ложью, риторикой и фикціями, чтобы дана была возможность ставить проблемы по существу и продолжать подлинно великія традиціи русской мысли, нужно перестать понимать эмиграцію какъ контръ-революціонный военный лагерь, нужно признать, что революція поставила творческія проблемы. Творческія же проблемы въ нашу эпоху суть прежде всего проблемы религиозныя и духовно-культурныя, потомъ проблемы соціальныя, проблемы новой организаціи хозяйства и труда. Проблема политической власти разрѣшима лишь при созданіи духовныхъ и соціальныхъ ея условий. Тогда будетъ установлена правильная іерархія цѣнностей, которая сейчасъ нарушена. Эмиграція не можетъ быть единой, въ ней всегда будутъ разныя теченія, но можно бороться за одухотвореніе живой части эмиграціи, особенно молодежи, за пробужденіе въ молодой эмиграціи въ противовѣсъ дореволюціонному политиканству сознанія своего духовнаго и соціального долга передъ пореволюціонной Россіей.

Н и к о л а й Б е р д я е в ъ .